
Мира Лиорская
Моё приданое
Корона чужих клятв
Книга четвёртая

Мира Лиорская

Моё приданое. Корона чужих клятв

«Автор»
2026

Лиорская М.

Моё приданое. Корона чужих клятв / М. Лиорская — «Автор», 2026

Столичное приглашение приходит к Лиане Верес после первого удачного заказа. Теперь её мастерство нужно не только частным клиентам: в столице готовы предложить ей признание, достойную плату и право влиять на новые правила.Лиана умеет разбирать чужие чары по нитям. Но в предложенной ей работе есть условие, с которым не справиться иглой: от неё ждут личной гарантии за людей и службы, которыми она не распоряжается.Дарен тоже получил выгодное предложение. У каждого появляются собственные планы, и супругам приходится заново учиться оставлять место друг для друга среди чужих ожиданий и срочных дел.В столице Лиане предстоит решить, сколько стоит её подпись — и чем она не готова платить даже за долгожданное признание.

© Лиорская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зелёное для собственной работы 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Мира Лиорская
Моё приданое. Корона чужих клятв

Глава 1. Зелёное для собственной работы

Портниха велела мне поднять руки, и новый рукав тут же показал, где она ошиблась.

Под мышкой натянулось, ворот пополз к горлу. В зеркале я стала похожа на женщину, которую собираются вынести из комнаты вместе с вешалкой. До этого платье мне нравилось.

— Если стоять, хорошо, — сказала я.

Портниха уже подхватила булавку.

— Стоять за такие деньги вы могли бы и в старом.

Она распорола намётку, не снимая платья. Мне пришлось замереть; кончик ножниц двигался совсем близко к коже. Потом руку освободили и велели повторить движение. Теперь я могла достать до полки и не задушить себя воротом.

За последние шесть недель мы успели встретиться трижды. Первый раз я приехала с отрезом и слишком общим представлением о том, что значит «удобно». Во второй мы отказались от красивого узкого обшлага. Сегодня подкладку ещё можно было тронуть, прежде чем закрыть швы. Я собиралась унести платье и очень не хотела оставлять его ещё на неделю.

Портниха почувствовала мою поспешность. Вместо обещания закончить немедленно она дала мне собственный счётный лист и попросила прочесть нижнюю строку. Я попробовала придержать бумагу, вынуть карандаш из левого кармана, записать два слова. Зацепила ногтем петлю у запястья.

Новая булавка легла рядом с первой.

Тёмно-зелёное сукно на столе Осипа казалось почти чёрным. Здесь, у окна, в нём обнаруживался цвет еловой хвои на свету. Мне хотелось скорее выйти в нём на улицу. Такая простая радость делала каждую задержку досадной, хотя я прекрасно знала, чем кончается работа, которую торопят на последнем сгибе.

Пока портниха меняла петлю, я смотрела в зеркало. На виске торчала прядь тёмно-русых волос: шапка стянула её с гребня. Платье шло мне и с этой прядью. Оно не требовало зачёсанной до боли головы, белых перчаток или другой женщины внутри.

Портниха отступила, позволяя мне повернуться. Я села, встала, достала из кармана карандаш. Книжка входила туда без борьбы. Из-за старого ожога у основания левого большого пальца тугую застёжку я начинала раскрывать боком ладони; два плохо слушавшихся правых пальца довершали дело с опозданием. Мы нашли движение, при котором не приходилось ни тянуть ткань зубами, ни звать помощь.

— Вот теперь забирайте. Только не пробуйте в первый же день снять с чердака все ваши сундуки.

— У меня другие намерения.

Она посмотрела на меня поверх очков, явно имея опыт намерений своих заказчиц.

Я переоделась и расплатилась по квитанции. Сукно было оплачено ещё в прошлую поездку, четыре марки с десятью долями; теперь оставалось довнести остаток полутора марок за пошив. Портниха вычеркнула его, вернула мне лист с отметкой о расчёте и отдельно завернула полоску сукна для будущей починки. Ничего торжественного при передаче платья не произошло. В соседней комнате расплакался ребёнок, служанка позвала хозяйку, и та исчезла прежде, чем я успела поблагодарить второй раз.

Я вышла с узлом в руках и едва не угодила под сани.

Возница выругался без слов, одним шумным выдохом. Я прижала узел к себе. Под полозьями блестела вода, а за углом снег оставался рыхлым и глубоким. Зима ещё распоряжалась дорогой, хотя с крыш уже текло в ясные полудни.

До Белильной было близко. У мастерской стояла тележка, мешавшая открыть дверь полностью. Внутри ругались на плохую погоду и спорили о размере.

Вера отодвинула тележку прежде, чем я успела снять рукавицу.

— Ваше у окна. Остальное лучше пока не трогать.

На раме возле печи лежало чужое полотно, и я остановилась достаточно далеко, чтобы не стряхнуть на него снег. Рута измеряла край вместе с заказчиком. Тот требовал убрать два пальца ширины: так ткань будто бы удобнее ложилась на дверную раму. Вера показала ему старые проколы, и мужчина наконец развернул принесённую рейку. Размер он снял по внутреннему просвету, не оставив места под крепление.

Я прошла за перегородку переодеться. Когда вернулась, спор закончился: заказчик унёс рейку проверить наружный обвод, Рута записала новый срок, Вера убрала с прохода его мокрый чехол. Меня ни о чём не спросили. На моём столе лежал кусок защитного края, над которым я работала последнюю неделю.

Середина получилась ровной. Толщина у стыка всё ещё раздражала меня.

На весенний показ в Мерене заявки принимали до завтрашнего полудня. Сам показ назначили через три дня: предварительный, под крышей ремесленного двора, пока на большой уличный было рано рассчитывать. В списке уже стояли имена людей, которые умели делать нужные вещи и без красивой истории за спиной. Я собиралась принести край для рабочих полотен, пригодный для частых перегибов. После моего первого описания распорядитель спросил, потребуется ли охрана для опасного материала.

Я переписала описание.

В заявке осталось назначение, ширина, допустимый изгиб и пометка об отсутствии личного обязательства. Этого хватало для приёма. Для человека, который знает только историю проклятого приданого, — едва ли.

Рядом со столом стоял старый стул с гладкой спинкой. На ней я испытывала пробные полосы, пока Вера не сказала, что стул ей нужен живым. Теперь между ножками отдельной низкой рамы проходил деревянный валик, а к краю полотна крепилась мешочная петля с грузом. Приспособление выглядело так, будто его собрали после ссоры хорошего плотника с торопливой хозяйкой. Собственно, Ивен именно так и сказал, когда помогал просверлить отверстия.

Я проверила крепление, положила на стол плоскую опору под правую руку и принялась за стык.

Его нельзя было просто сделать тоньше. Лён держал заданное условие в самом переплетении, шёлковая проходка распределяла отклик по сгибу. Срезать лишний слой значило получить красивое место, которое первым пойдёт вразнос при нагрузке. Нужна была другая длина нахлёста. Третья проба уже не вставала жёстким ребром; четвёртая должна была ложиться на узкий валик без залома.

Через полчаса пальцы начали запаздывать. Я отложила инструмент, расправила ладонь на опоре. На дворе кто-то выбивал снег из сапог. Вера говорила с Рутой о приёмке пятничного заказа, считая их время вслух. Обычная работа продолжалась со всеми остановками, которые я в прежней жизни считала бы причиной подождать меня.

Марта принесла горячую воду и положила рядом свой образец. На нём ряд стежков внезапно съезжал к кромке.

Я уже потянулась показать, где перетянуть. Ученица придержала ткань.

— Можно я сначала распущу сама? Я вижу место.

Я убрала руку.

Она ошиблась на два стежка раньше, чем думала. Найдя настоящий сдвиг, рассердилась, вытащила слишком длинную нить и чуть не запутала всю проходку. Пришлось вернуться на шаг назад. Я смотрела и терпела собственное желание сделать быстрее. Когда ряд выровнялся, Марта положила образец на прежнее место, уже не предлагая мне его исправлять.

До следующего приезда Норы у неё оставалось два учебных дня. Второе занятие на этой неделе вела я. Мы разобрали, отчего смещение видно по соседнему ряду, и Марта записала себе

короткую пометку. Воскресенье в её расписании оставалось пустым: брат обещал приехать в город, и она заранее договорилась с Верой о субботней сдаче своей части.

— На показ пойдёте? — спросила я.

— После обеда. Если вы не оставите мне держать груз весь день.

— Не оставлю.

— Тогда пойду.

Она взяла свой образец. На мой посмотрела с любопытством, но не попросилась помогать. Я не стала звать.

Мой край лёг на валик ровно с пятой попытки, которую я сперва не собиралась считать отдельной: всего лишь перенесла последнее крепление. Потом всё-таки отметила её в тетради. Перенос менял рабочую длину; без него вторая полоса получила бы тот же толстый стык.

Я продела мешочную петлю и опустила груз. Он был невелик — на нём сходилась нагрузка с одного сгиба, а не вес целого тюка. Первые движения делала медленно. На восьмом стык пошёл чуть в сторону. На двенадцатом шёлк остался гладким.

Рута, проходя с отрезом подкладки, задержалась.

— Если хозяин будет тянуть наискось?

— Получит обычный износ быстрее.

— Наискось он будет обязательно.

Я развернула крепление. Через четыре перегиба отклик стал неравномерным; на пятом потемнел крайний участок шёлка. Я сняла нагрузку и почувствовала, как неприятно сжалось под рёбрами. Дефект не был тайным. Мне просто хотелось показать вещь с той стороны, с которой она удалась.

Рута уже ушла к своему полотну. Я осталась наедине с полосой и необходимостью выбрать: менять крепление или честно ограничить назначение.

До подачи заявки оставалось несколько часов. За это время нельзя было изготовить вещь для любой руки и любого рывка. Я взяла второй короткий отрез, перенесла поперечную закрепку ближе к стыку и повторила косую тягу. Стало лучше, но не настолько, чтобы обещать её как обычный режим.

Край предназначался для полотна на ровном креплении. При перекосе его следовало ослабить и поправить, как поправляют петлю, когда она режет мешок. Ничего позорного в этом не было. Я написала ограничение внизу описания крупнее, чем остальные строки, и снова поставила исходную нагрузку.

К полудню окно согрелось. Снег на раме снаружи распался на мокрые тяжёлые куски; один упал и хлопнул по подоконнику. В мастерской сразу подняли головы. Вера проверила, закрыта ли тележка у стены, и велела отнести сухие чехлы подальше от двери. Вода не стала началом бедствия. Её вытерли.

Я сделала ещё один проход, сняла пробу и разложила её рядом с незачарованной полосой того же плетения. Под одинаковой работой на обычном сгибе уже выступили отдельные волокна. Мой сохранял форму. Для показа этого было достаточно — если зритель увидит саму нагрузку, а не только два аккуратных лоскута.

Над описанием я задержалась дольше, чем над последним стыком.

Слова «край Лианы Верес» казались хвастовством. Без имени получалось, будто я стесняюсь предъявить сделанное. Я переписала название: «Съёмный защитный край для рабочих полотен». Ниже оставила своё имя. Потом соскоблила кляксу, которую поставила, слишком сильно нажав на перо.

Вера взяла заявку вместе с расчётом стола и посмотрела только на нужное ей.

— Сколько места?

Я показала.

— На такой глубине люди заденут груз коленом. Поставьте вдоль стены.

Мы сдвинули раму и прикинули, откуда будет видно движение. Вера провела мелом по полу свободный проход, Рута взяла на себя упаковку двух обычных изделий мастерской. Мой край шёл отдельно от их общего заказа. Платить за моё выставочное место из срочной выручки мастерской Вера не предложила, и я не попросила.

Перед уходом принесли почту. В конверте из Ильмового Брода лежало короткое подтверждение первого очередного платежа. Таис приложила отметки получателей: восемь Мерику, три Ренне. Теперь строительному расчёту оставалось восемьдесят восемь, выкупу — шестьдесят девять. Ровельский заём в этом письме не возвращался; до его срока было ещё много месяцев.

На обороте Таис сообщила о хранении. Второй месяц сухой комнаты над почтовой лавкой продлили и оплатили, до окончания следующего срока собирались решить третий. Девять мест стояли по прежнему списку. Ренна заходила за разрешённой копией для своей работы; закрытую семейную часть не открывали.

Я прочла письмо дважды. Первое время после любого законченного дела мне хотелось найти в таком сообщении скрытую просьбу срочно вернуться. Здесь её не было. Таис прислала подтверждение, которое обещала. Я убрала его в папку и попросила Веру занести в следующую обычную отправку короткое спасибо за точный учёт.

Коляску Дарена я услышала раньше, чем его голос. Под колёсами у двора ломался подмёрзший наст. Он обещал забрать меня после своей встречи и опоздал меньше, чем я ожидала. На пороге задержался, пропуская выходившего заказчика, затем вошёл и первым делом сел на свободный стул.

На сюртуке у него темнели брызги. Простая новая рукоять трости была сухой, гладкой; старую дорожную обмотку мы давно оставили в обрезках. Он снял перчатки, растёр левой рукой пальцы правой и посмотрел на мою раму.

— Эту берём?

— Её. Но я могу ещё передумать до вечера.

— Тогда сначала пообедаем.

Он не спросил, чего я боюсь. Иногда мне хотелось, чтобы спросил: так можно было говорить о страхе и не нести заявку. Я завернула пробу, Вера заперла её в сухом шкафу. До подачи оставалось достаточно времени.

Мы ели в маленькой комнате над пекарной лавкой. Дарен заказал место заранее, потому что в нижнем зале было слишком шумно. В окно смотрела грязная снежная крыша, из щели в раме тянуло, и всё же я с удовольствием сняла шаль. После мастерской пальцы начали болеть заметнее. Я положила руки на колени, пока приносили еду.

Дарен рассказал, зачем ездил в город. Двум покупателям муки требовались разные сроки поставки; объединить их под один выезд было дешевле, но второй хотел платить по весенней цене уже теперь. Дарен отказался и потерял удобную полную телегу. Ивену предстояло искать попутный груз.

Муж сердился: на необходимость снова писать, на человека, который называл чужую уступку «маленьким удобством», на мокрые сапоги. Я слушала и чувствовала, как проходит тревожная торжественность выставочного дня, хотя сам день ещё не наступил.

Потом он увидел свёрток с платьем.

— Готово?

Я развернула угол, чтобы показать цвет.

Он провёл пальцами по сукну, не касаясь булавок, которых уже не было. Я заметила его улыбку и вдруг захотела надеть платье прямо сейчас, в этой холодной комнате с запахом хлебной печи снизу. Без показа, без имён на дощечке, без чужих ожиданий.

— Дома, — сказала я, хотя он ничего не просил.

— Я могу подождать до дома.

Он сказал это тише обычного. За дверью спорили о разбитом горшке; я рассмеялась, и обещание перестало быть нарочито важным. Есть стало легче.

На обратной дороге Дарен уснул. Голова опустилась на сложенный плащ, трость лежала поперёк колен. Я поправила узел, чтобы он не мешал ногам, и смотрела на дорогу. На открытых местах снег уходил быстрее; в лесной тени лежал цельной серой коркой. До озера, куда Дарен хотел поехать на три дня, в такую пору добирались по неудобной дороге и сидели бы в сыром доме надо льдом. Он не предлагал считать сегодняшнюю поездку отдыхом у воды. Я тоже не собиралась.

Дома Эльза встретила нас известием о дымящей печи в людской. Пока мы ездили, печник уже прочистил ход; служанок на время пересадили в другую комнату, на ужин ничего не переносили. Дарен спросил про оплату работы. Эльза назвала сумму, внесённую в хозяйственную книгу, и пошла выяснять, почему не принесли бельё.

Мы поднялись к себе медленно. У лестницы Дарен остановился перевести дыхание. Я стояла рядом со своим свёртком, слушала шаги на верхней площадке и думала, что три дня у воды придётся выбрать всерьёз: с тёплым жильём, дорогой без лишнего испытания и временем, которое никто не будет считать пустым промежутком между полезными делами.

Платье я надела перед ужином.

Застёжка подчинилась не сразу. Я успела рассердиться, потом вспомнила движение, которое пробовала у портнихи, и справилась. Подол не цеплялся за ковёр. Левый карман немного оттопыривался, когда я положила туда книжку; я вынула её и оставила один карандаш.

Дарен стоял у окна. Повернувшись, он хотел что-то сказать, но я слишком внимательно ждала, и оба улыбнулись.

— Нельзя так смотреть, — сказала я.

— Почему?

Я не нашла убедительной причины. Он подошёл ближе, остановился у меня за спиной. В зеркале его лицо оказалось рядом с моим, старый шрам у брови — светлее в сумерках. Он коснулся губами места за ухом, и я пожалела, что ужин уже назначен.

Я перехватила его левую руку, положила себе на талию. Сукно ещё хранило прохладу комнаты. Там, где ладонь прижалась плотнее, тепло проступило медленно, и я задержалась в нём дольше, чем собиралась.

В дверь постучали. Дарен поднял голову, а я успела выдохнуть ему в рукав, чтобы не засмеяться слишком громко.

После ужина он помог мне поставить низкую раму так, как она должна стоять на показе. Сам сел в кресло; я не позволила бы ему изображать целую публику стоя. Пробу мы оставили в городе, поэтому на валик накинули обычное полотенце.

Я начала объяснять назначение, запнулась на слове «эксплуатация» и рассердилась на него так, будто виноват был Дарен.

— Вы в мастерской говорите проще, — заметил он.

Я попробовала снова. На этот раз рассказала, что произойдёт с полотном при перекосе, и зачем человеку ослабить край прежде, чем тянуть дальше. Дарен спросил, можно ли пришить его к старой ткани. Я ответила и только потом поняла, что перестала произносить речь.

Он тронул валик. Полотенце соскользнуло, мешочная петля осталась пустой. В таком виде приспособление казалось особенно нелепым. Я села на пол рядом с рамой и засмеялась по-настоящему.

Через несколько минут нашла в своей книге чистый лист. Убрала из описания два слова, которыми хотела придать работе больше веса. Вписала вес допустимого груза рядом с рисунком крепления. На отдельном маленьком листке оставила название и своё имя.

Утром заявку нужно было передать вместе с платой за место. Я вложила деньги в конверт для Веры, проверила сумму и заклеила. Потом положила его на поднос для городской отправки, где за ночь он уже не мог случайно превратиться в ещё один черновик.

Рядом стоял Дарен. Я взяла его под руку, и мы пошли наверх. Рама осталась в гостиной с полотенцем на полу; до утра её никто не требовал превратить во что-нибудь более достойное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.